

Кант Иммануил

Антропология

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И53

И53 **Иммануил К.**
Антропология / Кант Иммануил – М.: Книга по Требованию, 2023. – 194 с.

ISBN 978-5-519-88052-7

ISBN 978-5-519-88052-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

человѣка, что затрудняетъ для насъ сужденіе о себѣ самихъ; при этомъ условіи трудно сказать, какъ ему смотрѣть на себя или, скорѣе, какое понятіе онъ долженъ составить себѣ о другихъ людяхъ, съ которыми онъ находится въ общеніи; перемежна положенія, въ которое судьба поставила человѣка или въ которое онъ въ погонѣ за приключеніями самъ себя поставилъ, очень мѣшаетъ антропологій достигнуть степеней настоящей науки.

Наконецъ, хотя и не въ качествѣ источниковъ, но въ качествѣ вспомогательныхъ средствъ, для антропологій могутъ быть полезными — исторія, біографія, даже драмы и романы; хотя двѣ эти послѣднія категоріи даютъ намъ не опытъ и истину, а только поэтическій вымыселъ, при чемъ характеры и положенія, въ какихъ люди могутъ оказываться, рисуются въ преувеличенномъ видѣ и представляются какъ-бы въ фантастическомъ освѣщеніи, но ими все-таки позволительно пользоваться, хотя, повидимому, онѣ ничего не даютъ для дѣйствительнаго познанія человѣка; но во всякомъ случаѣ эти характеры, какъ рисуютъ ихъ, напримѣръ, *Ричардсонъ* или *Мольеръ*, по своимъ основнымъ чертамъ заимствованы изъ наблюденій дѣйствительной жизни и людей; поэтому можетъ быть по степени они и страдаютъ преувеличеніемъ, но по качеству вполне соответствуютъ основнымъ чертамъ человѣческой природы.

Систематически составленная и въ прагматическомъ отношеніи популярно изложенная, объясненная примѣрами, пополнить которые можетъ каждый читатель, антропологія представляетъ читающей публикѣ ту выгоду, что во всей полнотѣ намѣчаетъ тѣ рубрики, подъ которыя можно подвести каждое подмѣченное человѣческое свойство, обнаружившееся въ прагматической жизни; такимъ образомъ эти рубрики даютъ много поводовъ и данныхъ, чтобы каждому отдѣльному свойству посвятить особое изслѣдованіе и затѣмъ поставить его на подобающее мѣсто въ системѣ; этимъ путемъ работы въ этой области сами собою могутъ быть раздѣлены между любителями подобныхъ изысканій, а, благодаря единству плана, выводы этихъ изысканій сами собою соединятся въ одно цѣлое, что въ свою очередь будетъ содѣйствовать росту этой общепользующей науки и ускоритъ ея возникновеніе ¹⁾.

¹⁾ Въ моихъ постоянныхъ занятіяхъ чистою философіею, къ которымъ я приступилъ по свободному побужденію и которыя я продолжалъ по обязанности въ качествѣ профессора, я за тридцатилѣтній періодъ времени прочиталъ только двѣ серіи лекцій, цѣлью которыхъ было именно такое познаніе жизни; именно, одно зимнее полугодіе я читалъ лекціи по *антропологии*, а одно лѣтнее по *физической географіи*; на этихъ популярныхъ лекціяхъ присутствовали и посторонніе слушатели.

Руководствомъ для изученія первой науки является настоящая книга. Представить такую же работу и по второй области знанія, — на основаніи рукописей, слегка набросанныхъ и ни для кого, кромѣ меня, не разборчивыхъ, въ настоящее время, при моемъ преклонномъ возрастѣ, едва-ли для меня возможно.

АНТРОПОЛОГИИ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ДИДАКТИКА.

**О способѣ познавать какъ внутреннее, такъ и внѣшнее
въ человѣкѣ.**

ПЕРВАЯ КНИГА.

О познавательной способности.

О самосознании.

§ 1.

То обстоятельство, что человек может иметь въ своихъ представлѣнiяхъ сознание своего «я», безконечно повышаетъ его надъ всѣми другими существами, живущими на землѣ.

Въ силу этого онъ *личность* и, въ силу единства сознания, при всѣхъ измѣненiяхъ, которыя онъ можетъ испытывать, одна и та же личность,—т. е. существо, по своему положенiю отличное отъ *вещей*, каковы неразумные звѣри; съ ними онъ можетъ поступать и распорядиться какъ ему угодно, по своему произволу. Это справедливо и тогда, когда онъ еще не можетъ выговорить этого «я», ибо онъ все-таки имѣетъ его въ своей мысли, и всѣ языки, когда говорятъ что-либо отъ перваго лица, всегда должны мыслить это «я», хотя-бы это сознание они и не выражали особымъ словомъ. Эта способность (именно способность мыслить) и есть *разсудокъ*.

Но замѣчательно, что ребенокъ, который уже приобрѣлъ нѣкоторый навыкъ въ рѣчи, все таки сравнительно поздно (иногда спустя годъ послѣ рожденiя) въ первый разъ начинаетъ называть себя черезъ «я»; до тѣхъ поръ онъ обыкновенно говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ («Карлъ хочетъ пить, гулять и т. д.»); когда же онъ начинаетъ говорить черезъ «я», кажется, будто бы въ немъ загорается какой то новый свѣтъ. Съ этого дня онъ никогда не вернется къ прежней манерѣ говорить. Прежде онъ только *чувствовалъ* себя, теперь онъ себя *мыслитъ*. Объясненiе этого явленiя представляетъ значительныя трудности для антропологовъ.

То обстоятельство, что ребенокъ въ первую четверть года послѣ своего рожденiя не умѣетъ ни плакать, ни улыбаться,—повидимому тоже зависитъ отъ развитiя извѣстныхъ представленiй объ обидѣ и несправедливости, которыя намекаютъ уже на разумъ. Если же онъ въ этомъ періодѣ времени начинаетъ слѣдить глазами за блестящими предметами, то это лишь грубое начало развитiя въ немъ *воспрiятiй* (аппергензи́н чув-

ственного представлениа), чтобы впоследствии поднять ихъ до дѣйствительнаго познанія предметовъ вѣншихъ чувствъ, т. е. до опыта.

Далѣе, то обстоятельство, что, когда ребенокъ начинаетъ говорить, его коверканье словъ кажется такимъ милымъ какъ для матери, такъ и для няньки, которое заставляетъ ихъ постоянно ласкать и цѣловать ребенка, тотчасъ же исполнять каждый его капризъ и каждое желаніе и дѣлаетъ его маленькимъ тираномъ,—то эту очаровательность маленькаго существа въ періодъ его первоначальнаго превращенія въ человека, съ одной стороны надо приписать его невинности и полной искренности во всѣхъ его, даже ошибочныхъ проявленіяхъ, когда въ немъ не бываетъ ничего притворнаго и затаеннаго, а съ другой естественной склонности няньки хорошо относиться къ маленькому созданію, которое съ такою ласкою совершенно отдается чужому произволу; въ виду этого — то дѣтство и является для ребенка самою счастливою порою жизни; при этомъ и воспитатель, который какъ бы самъ превращается въ ребенка, до нѣкоторой степени второй разъ переживаетъ всѣ удовольствія этого возраста.

Впрочемъ, воспоминанія о годахъ своего дѣтства обыкновенно далеко не доходятъ до этого ранняго періода, такъ какъ это пора не опытнаго познанія, а разрозненныхъ воспріятій, не соединенныхъ въ познаніе объ-ектѣ.

Объ эгоизмѣ.

§ 2.

Съ того дня, когда человекъ начинаетъ говорить черезъ «я», онъ вездѣ, гдѣ только возможно, проявляетъ и утверждаетъ свою возлюбленную личность и эгоизмъ развивается неудержимо, если и не открыто (ибо въ этомъ ему можетъ оказать противодѣйствіе эгоизмъ другихъ людей), то тайно, съ минимымъ самоотверженіемъ и лицемерною скромностью, чтобы тѣмъ вѣрнѣе выиграть свою игру и подняться въ мнѣніи другихъ людей.

Эгоизмъ можетъ имѣть претензіи трехъ видовъ,—претензіи разсудка, вкуса и практическаго интереса, т. е. можетъ быть или *логическимъ*, или *эстетическимъ*, или *практическимъ*.

Логическій эгоизмъ считаетъ излишнимъ провѣрять свое сужденіе на разсудкѣ другихъ людей, какъ будто бы этотъ пробный камень (*criterium veritatis externum*) для него совершенно не нуженъ. Но до такой степени достовѣрно, что мы не можемъ обойтись безъ этого средства для того, чтобы обезпечить правильность нашего сужденія, что, можетъ быть, именно въ этомъ то и заключается самое серьезное основаніе для настойчиваго требованія со стороны нашего ученаго міра свободы печати; если намъ не дадутъ высказываться свободно, то этимъ отъ насъ отнимаютъ самое надежное средство испытывать правильность нашихъ собственныхъ сужденій и предоставляютъ насъ на произволъ заблужденій. Пусть не говорятъ, что, по крайней мѣрѣ, *математикъ* имѣетъ привилегію говорить лично за себя и за свою ответственностью, ибо, если бы всегда и всюду не замѣчалось полного соответствія сужденій землемѣра

сть сужденіями всѣхъ другихъ людей, которые прилежно и не безъ таланта работали въ этой области, то и здѣсь нельзя было бы избѣжать нѣкотораго опасенія, какъ бы такъ или иначе не допустить ошибки. Бываютъ даже и такіе случаи, когда мы не только не вѣримъ показаніямъ нашихъ собственныхъ внѣшнихъ чувствъ, напримѣръ, звенитъ ли у насъ въ ушахъ, или мы дѣйствительно слышимъ звонъ колокольчика, но считаемъ нужнымъ спросить объ этомъ у другихъ, не слышится ли и имъ то, что слышимъ мы. И хотя въ философскихъ вопросахъ въ подтвержденіе нашего собственнаго сужденія мы не можемъ ссылаться на мнѣнія другихъ, какъ юристы ссылаются на мнѣнія извѣстныхъ правовѣдовъ,—во всякомъ случаѣ каждый писатель, у котораго нѣтъ послѣдователей, съ каждымъ откровенно высказаннымъ мнѣніемъ, какъ бы серьезно оно ни было, рискуетъ навлечь на себя подозрѣніе въ ошибку.

Именно поэтому всегда рискованное дѣло утверждать передъ публикою положеніе, противорѣчащее общему мнѣнію, даже мнѣнію разумныхъ людей. Такой внѣшній признакъ эгоизма называется *парадоксальностью*. Здѣсь смѣлость и рискъ заключаются не въ томъ, что это положеніе можетъ оказаться ошибочнымъ, но только въ томъ, что оно найдетъ себѣ признаніе у немногихъ. Склонность къ парадоксамъ это въ сущности логическое *упрямство*,—и не изъ нежеланія показаться подражателемъ кого бы то ни было другого, только изъ желанія казаться рѣдкимъ и исключительнымъ человѣкомъ. Но такой человѣкъ часто ошибается въ своихъ стремленіяхъ и кажется только *чужакомъ*. Но, такъ какъ каждый человѣкъ можетъ и долженъ утверждать свою собственную правду («если всѣ отцы такъ, то я нета къ»—*Абеляръ*), упрекъ въ парадоксальности, если только она основывается не на суетномъ желаніи чѣмъ-нибудь отличаться отъ другихъ, не имѣетъ дурного, оскорбительнаго смысла. Парадоксу противопоставляется все заурядное (будничное), что имѣетъ на своей сторонѣ общее мнѣніе. При подчиненіи послѣднему мы имѣемъ такъ же мало твердой увѣренности въ своихъ сужденіяхъ, если еще не меньше, въ особенностяхъ въ томъ случаѣ, когда это будничное снится и дремлетъ; а парадоксы будятъ мысль, призываютъ къ большой внимательности и къ новой пытливости, а это часто ведетъ и къ новымъ открытіямъ.

V

Эстетическій эгоистъ—это тотъ человѣкъ, который довольствуется исключительно своимъ собственнымъ вкусомъ, хотя бы всѣ находили негодными, порицали и высмѣивали его стихи, картины, музыкальныя произведенія и т. д. Онъ лишаетъ себя возможности дальнѣйшаго усовершенствованія, когда сбособляется съ своимъ собственнымъ сужденіемъ, самъ себѣ аплодируетъ и пробный камень для оцѣнки красоты въ искусствѣ ищетъ только въ себѣ самомъ.

Наконецъ, *моральный* эгоистъ—это тотъ человѣкъ, который всѣмъ цѣль жизни ограничиваетъ на самомъ себѣ, который всякую выгоду и пользу видитъ только въ томъ, что нужно и полезно для него и высшую основу опредѣленія своей воли полагаетъ, какъ эвдемонистъ, только въ своемъ удовольствіи и въ своей выгодѣ, а не въ исполненіи долга. А такъ какъ всякій другой человѣкъ создаетъ себѣ совершенно другое понятіе о томъ, въ чемъ состоитъ счастье въ жизни, то именно этотъ эгоистъ, до-

веденный такъ далеко, ни въ какомъ случаѣ не можетъ заключать въ себѣ критерія правильного понятія о долгѣ, которое поэтому могло бы приобрести значеніе всеобщаго принципа для всѣхъ. Поэтому всѣ эвдемонисты въ то же время и практическіе эгоисты.

Эгоизму можно противопоставлять только *плюрализмъ*, — т. е. такой образъ мышленія, при которомъ себя считаютъ не всеобъемлющимъ и законченнымъ въ себѣ особымъ міромъ, но видятъ только одного изъ членовъ общества. Вотъ что въ этой области относится къ антропологіи. То же, что касается этого различія по метафизическимъ понятіямъ, можетъ совершенно выйти сферы той науки, о которой идетъ здѣсь рѣчь. Именно, вопросъ о томъ, имѣю ли я, какъ мыслящее существо, причину выйти моего существованія признавать существованіе законченнаго цѣлаго другихъ существъ, находящихся со мною въ общеніи (такъ называемый міръ), — это уже вопросъ не антропологическій, а чисто метафизическій.

ПРИМѢЧАНІЕ.

О формальностяхъ эгоистическаго языка.

Обращеніе главы государства къ народу въ настоящее время дѣлается обыкновенно во множественномъ числѣ (мы, Н, Божіею милостію и т. д.); но вопросъ въ томъ, имѣютъ ли эти слова эгоистическій смыслъ, т. е. отмѣчающій полноту собственной власти и одинаковый по значенію съ обычнымъ выраженіемъ короля Испаніи въ формулѣ *Yo el Rey* я, король)? Повидимому, эта формула для обозначенія высшаго авторитета на первыхъ порахъ имѣла въ виду скорѣе нѣкоторое ограниченіе понятія (мы, король, и его совѣтъ, или государственные чины). Какимъ же образомъ могло случиться, что лицо, о которомъ мы говоримъ въ данную минуту и которое въ древнихъ классическихъ языкахъ обозначалось посредствомъ *ты*, т. е. въ *единственномъ числѣ*, у различныхъ, главнымъ образомъ германскихъ, народовъ превратилось въ нѣчто *множественное*, и стало обозначаться посредствомъ мѣстоименія *вы*? Сюда же надо отнести еще два нѣмецкихъ выраженія для обозначенія высокаго достоинства того лица, съ которымъ въ данную минуту говорятъ, — а именно *Er* и *Sie* (какъ будто это не обращеніе въ разговорѣ, но разсказъ о комъ-то отсутствующемъ и при томъ или объ одномъ человѣкѣ, или о многихъ); наконецъ, въ довершеніе всѣхъ недѣлостей мнимаго униженія говорящаго передъ его собесѣдникомъ и яко-бы превознесенія его надъ собою, установили обычай называть въ разговорѣ не имя своего собесѣдника, но отвлеченное опредѣленіе его сословія или его служебнаго положенія (Ваша милость, Ваше благородіе, Ваше Высокородіе и т. п.). По всѣмъ вѣроятіямъ, этотъ обычай возникъ на основѣ феодальнаго строя общества, въ которомъ обращали серьезное вниманіе на то, чтобы точно отмѣтить должную *степень* уваженія, подобающую лицамъ знатымъ, по всей лѣстницѣ титуловъ, начиная отъ королевскаго достоинства черезъ *все* промежуточныя ступени вплоть до той послѣдней площадки, на которой человѣческія привилегіи оканчиваются и остается только человѣкъ просто, т. е. до сосло-

віа крѣпостныхъ людей; къ нимъ ихъ господа обращаются уже на *ты*, какъ и къ маленькимъ дѣтямъ, которыя еще не могутъ имѣть своей собственной воли.

О произвольномъ сознаніи своихъ представленій.

§ 3.

Стремленіе сознать свои представленія выражается или во *вниманіи* (attentio), или въ *отвлеченіи* отъ представленія, которое я сознаю въ настоящую минуту (abstractio). Последнее не есть устраненіе или утрата представленія (это было бы просто разсѣянностью, distractio), но дѣйствительный актъ познавательной способности, направленной къ тому, чтобы представленіе, которое я сознаю, удержать въ сознаніи отъ соединенія съ другими представленіями. Поэтому не говорятъ: «нѣчто» отвлечь (*отдѣлать*), но говорятъ: «отвлечь отъ чего либо», т. е. обособить опредѣленіе предмета моего представленія, въ силу чего это представленіе приобретаетъ всеобщность понятія и въ такомъ видѣ воспринимается разумомъ.

Способность отвлеченія отъ представленія, даже въ томъ случаѣ, когда оно навязывается человѣку путемъ внѣшнихъ чувствъ, есть гораздо болѣе высокая способность, чѣмъ способность вниманія, ибо она доказываетъ свободу нашего мышленія и самопроизвольность нашего духа, что даетъ возможность *имѣть въ своей власти состояніе нашихъ представленій* (Animus sui compos). Въ этомъ отношеніи способность *отвлеченія* гораздо сложнѣе и гораздо цѣннѣе, чѣмъ способность *вниманія*, поскольку дѣло касается представленій внѣшнихъ чувствъ.

✓ Многие люди чувствуютъ себя несчастными только потому, что не умѣютъ дѣлать отвлеченій. Женихъ могъ бы сдѣлать хорошую партію, если бы онъ могъ закрыть глаза на бородавку на лицѣ или на гнилой зубъ во рту своей невѣсты. Но наша способность вниманія имѣетъ ту странную и нелюбезную особенность, что она почти произвольно сосредоточиваетъ всю свою силу на томъ, что у другого не въ порядкѣ. Такъ уже она создана, что во все глаза смотритъ на оторванную отъ скюртука пуговку, на дурной зубъ или на обычную ошибку въ рѣчи собесѣдника, и такимъ путемъ приводитъ въ смущеніе другихъ, да и для себя портитъ свое впечатлѣніе. Если главное хорошо, то не только справедливо, но и умно не обращать вниманія на нѣкоторые недочеты въ другихъ людяхъ, даже въ нашемъ собственномъ благополучіи. Эта способность отвлекать свидѣтельствуетъ уже о той силѣ духа, которую можно приобрести только путемъ упражненія.

О самонаблюденіи.

§ 4.

Замѣчать (animadvertere) за собою — еще не значить *наблюдать* (observare) себя. Последнее это методическое сопоставленіе вос-

пріятій, получаемыхъ отъ самого себя, которыя даютъ матеріалъ для дневника человѣка, наблюдающаго за самимъ собою; послѣднее можно приводить къ *мечтательности*.

Вниманіе (attentio) къ себѣ самому, когда имѣють дѣло съ людьми, хотя и необходимо, но при общественныхъ сношеніяхъ не должно быть замѣтнымъ, ибо въ противномъ случаѣ оно ведетъ или къ *замѣшательству* (неовѣжести въ обществѣ), или къ аффектаціи (пятипучости). Противоположностью такому самочувствію въ обществѣ является *непринужденность* (air dégagé), увѣренность въ себѣ и въ томъ, что другіе не будутъ невыгодно отзываться относительно его манеры держать себя въ обществѣ. Тотъ, кто держитъ себя такъ, какъ будто бы онъ каждую минуту любитъ собою передъ зеркаломъ, или говоритъ такъ, какъ будто-бы онъ самъ (а не кто-нибудь другой) прислушивается къ своей рѣчи, — до нѣкоторой степени напоминаетъ актера. Онъ рисуется и въ искусственномъ освѣщеніи старается представить свой виѣшній обликъ; если эти усилія становятся замѣтными и для другихъ, то такой человѣкъ много теряетъ въ глазахъ общества, ибо при этомъ возникаетъ подозрѣніе, что онъ про себя разсчитываетъ обмануть другихъ. Умѣнье держать себя такъ, чтобы уже своимъ виѣшнимъ видомъ исключать малѣйшій поводъ для такого подозрѣнія, называется *естественностью*, простотою манеръ (что, впрочемъ, отнюдь не исключаетъ художественности и вкуса); и эта естественность правится уже *правдивостью* и искренностью своего виѣшняго обнаруженія. Но тамъ, гдѣ эта естественность вытекаетъ изъ простоты сердечной, т. е. изъ неопытности въ искусствѣ притворяться, которое стало правиломъ въ общественныхъ сношеніяхъ, — она называется *наивною*.

Простая и открытая манера говорить у дѣвушки, которая кажется слишкомъ мужественною и энергичною, или у провинціала, незнакомаго съ городскими пріемами, своею наивною и прямою (неопытною въ искусствѣ казаться), вызываетъ веселую улыбку у тѣхъ людей, которые уже напрактиковались въ этомъ искусствѣ. Но это отнюдь не презрительная насмѣшка, ибо въ глубинѣ сердца и эти люди уважаютъ искренность и откровенность. Это добродушная ласковая усмѣшка надъ неопытною въ этомъ дурномъ искусствѣ, хотя оно достаточно объясняется испорченностью человѣческой природы, — въ искусствѣ казаться, которое скорѣе должно возбуждать сожалѣніе о томъ, что оно существуетъ, чѣмъ смѣхъ, когда оно становится рядомъ съ естественными проявленіями еще неиспорченной природы ¹⁾. Эта мгновенная веселая улыбка, какъ солнечный лучъ, на минуту пробивается сквозь тяжело покровы тучъ, облагающихъ небо, и тотчасъ-же гаснетъ, чтобы пощадить потемки нашего самолюбія.

Но вернемся къ ближайшей цѣли этого параграфа, а именно къ нашему *предостереженію*: не слишкомъ увлекаться выслаживаніемъ самихъ себя и какъ-бы насильственнымъ цытаніемъ внутренней исто-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи знаменитый стихъ Персія можно было бы измѣнить такъ: „patiamur videant ingemiscantque relicta“ (пусть они видятъ природу и вздыхаютъ о томъ, что позабыто).